

Хотя поступление в этот университет было ожиданием её родителей, Мэн Чжицю несомненно была этому рада. Раньше она была очень жизнерадостной и улыбчивой девушкой. И кто знает, почему она выросла выше многих других девушек, а порой даже выше некоторых парней. Возможно, дело было в генетике, а может, в том, что она обожала молоко и игру в баскетбол.

Когда она только пришла в группу, её все полюбили. Девушки считали её высокой и надежной опорой, в шутку называя своим парнем, а парни, играя с ней в мяч, восхищались её точными бросками. Её студенческая жизнь могла бы быть такой же насыщенной и осмысленной, как у большинства, если бы не тот месяц, когда начался второй курс.

Вернувшись в аудиторию после баскетбола, она проходила мимо одной из своих однокурсниц. Та была довольно далеко, но всё равно умудрилась упасть на ровном месте. Руки Мэн Чжицю были грязными от мяча, и она поспешила их вытереть, чтобы помочь девушке подняться. Но как раз в тот момент, когда она вытирала ладони, раздался обиженный голос:

— Чжицю, я знаю, что ты не нарочно меня толкнула, но почему ты не помогла мне, а стоишь и вытираешь руки? Неужели ты брезгуешь тем, что я до тебя дотронулась?

На глазах у девушки выступили слезы. Испугавшись недопонимания, Мэн Чжицю потянулась к ней:

— Нет, Хуан Мэнмэн, я просто только что закончила играть в баскетбол и не успела помыть руки, не хотела пачкать твою белую рубашку.

— Ай! — Хуан Мэнмэн, опираясь на неё, поднялась, но тут же отдернула руку и схватилась за запястье, изобразив на лице невыразимую боль. Её подруга тут же подскочила, закатала рукав Хуан Мэнмэн и, театрально ахнув, с негодованием воскликнула: — Мэн Чжицю, ты совсем страх потеряла! Посмотри, ты же запястье нашей Мэнмэн докрасна сжала! Даже если она сказала тебе правду, ты не имела права так исподтишка ей мстить!

— Я правда не...

Хуан Мэнмэн спряталась за спину подруги. Её хрупкий вид на фоне высокой Мэн Чжицю вызвал у окружающих прилив защитных чувств. Вскоре все вокруг уже порицали Мэн Чжицю. Оправдываться было бесполезно. С того дня подобные случаи стали повторяться всё чаще.

Постепенно всё дошло до надписей на стенах туалета о том, кто в неё влюблен, или фотографий, которые скидывали в общий чат группы с комментариями, что она, будучи девушкой, сложена как бык. Для них это были лишь безобидные шутки Хуан Мэнмэн. Больше никто не хотел с ней общаться. Вскоре, когда Хуан Мэнмэн и её компания начали травить Мэн Чжицю, никто не заступился — либо считали, что она сама виновата, либо просто не хотели связываться.

Так шаг за шагом началась настоящая травля. Родители Мэн Чжицю жили в родном городе, и

она возлагала на себя столько их ожиданий, что не могла признаться в происходящем. Со временем один лишь взгляд или шепот Хуан Мэнмэн заставлял её дрожать. Она жила в тени, лишенная солнечного света, перестала играть в баскетбол и сразу после занятий бежала домой. Когда она наконец набралась смелости позвонить родителям, то не знала, с чего начать, поэтому лишь просила их беречь здоровье, а услышав на фоне звуки суеты, поспешно вешала трубку.

Лишь когда её в третий раз заперли в туалете, она узнала причину: парень Хуан Мэнмэн с соседнего факультета литературы тоже любил баскетбол. Он часто хвалил перед друзьями, как хорошо играет Мэнмэн, и все думали, что речь об их подруге. Узнав об этом, Хуан Мэнмэн устроила скандал. Она была в ярости: парень в лицо говорил одно, а за спиной жаловался на её характер, сравнивая с той самой Мэнмэн, которая к тому же была куда более открытой и прямой, чем она сама.

Хуан Мэнмэн сочла это страшным унижением — её сравнили с этой мужеподобной девицей. Она ненавидела Мэн Чжицю, считая её лицемерной притворщицей. В тот день, когда она обвинила Мэн Чжицю в том, что та якобы специально сдвигала ей руки до синяков, Мэн Чжицю вдруг рассмеялась. Остальных это напугало, и Хуан Мэнмэн приказала им ударить её по лицу. Натешившись, они заперли дверь снаружи и ушли.

— Эй? — Минь Вэньси помахала рукой перед её лицом, пытаясь вернуть в реальность. — Не хочешь говорить? Ничего страшного, если воспоминания слишком болезненны, не стоит о них думать. Я помогу тебе. Я пойду, а ты сегодня отдохни. Ах да, я Минь Вэньси с литературного, если что-то случится — обращайся.

Минь Вэньси попрощалась и уже собиралась выйти, как услышала тихий голос:

— Спасибо. Я Мэн Чжицю.

Минь Вэньси едва заметно кивнула и закрыла за собой дверь. Мэн Чжицю действительно получила помощь: Минь Вэньси раскопала множество фактов о травле, которую устраивала Хуан Мэнмэн. Она передала все документы Мэн Чжицю, но та ими не воспользовалась — всё нужно было сделать самой, иначе на смену одной Хуан Мэнмэн пришли бы десятки других. Однако Мэн Чжицю колебалась несколько дней, и прежде чем она успела подать анонимную жалобу, Хуан Мэнмэн сама перевелась в другой вуз. Никто так и не узнал, почему.

На этом воспоминания закончились. И вспоминали об этом не только Минь Вэньси, но и сама Мэн Чжицю. Она и подумать не могла, что однажды сама станет похожа на Хуан Мэнмэн. Если бы не встреча с Минь Вэньси, она бы так и не осознала, как сильно была неправа. Даже если она не любит Лу Юньцзи, стоит найти возможность и нормально извиниться перед ним.

Мэн Чжицю остановилась — на светофоре горел красный. Небо вдруг потемнело, свинцовые тучи давили так, что стало трудно дышать. К счастью, загорелся зеленый, и Мэн Чжицю ускорила шаг, боясь попасть под дождь. На середине «зебры» она внезапно почувствовала опасность. Но было уже поздно — машина на полном ходу сбила её, и асфальт мгновенно

окрасился в алый цвет.

Когда сознание начало угасать, Мэн Чжицю успела подумать: «Черт, ты же на спорткаре, а не на кабриолете, чего так боишься дождя, что летишь через красный свет?»

...Свет вокруг тускнел, пространство вращалось, а звуки становились всё громче.

— Держись... Скорая уже... едет...

Услышав это, Мэн Чжицю закрыла глаза. Пошел дождь, но люди вокруг боялись к ней прикоснуться. Ледяных капель она уже не чувствовала. Никто не может предсказать, когда придет беда.

После того как Мэн Чжицю убежала, оставшиеся трое переглянулись и разошлись по домам. По пути Лу Юньцзи начал рассыпаться в комплиментах:

— Боже мой, мой дорогой, как ты это делаешь? Откуда ты узнал информацию о Мэн Чжицю? Это просто невероятно, кажется, в этом мире нет ничего, чего бы ты, Хэ Юэчжи, не смог сделать!

Хэ Юэчжи, глядя на сияющие глаза Лу Юньцзи, невольно улыбнулся:

— На самом деле это не так сложно. Хочешь узнать?

— Угу! — Лу Юньцзи яростно закивал. Конечно, он хотел, любопытство взяло верх.

— Тогда... переведи мне пятьдесят два, и я расскажу.

— А? — Лу Юньцзи растерянно моргнул. Сколько? Это что, на два юаня дороже, чем в безумный четверг?

Хэ Юэчжи, словно прочитав его мысли, пояснил:

— Пятьдесят два означает, что малыш любит меня.

Взгляд Лу Юньцзи сменился с растерянного на полный недоверия:

— Детский сад.

Хотя он так и сказал, он послушно достал телефон и перевел деньги.

<http://bllate.org/book/21506/2204582>